

оценки активизации познавательной деятельности.

Увеличение числа критериев в принципе возможно, но затруднит использование их экспертами.

Данные психологии, говорят о том, что в ограниченный промежуток времени, в данном случае – урок, человек может удерживать одновременно в поле внимания 5-7 предметов.

В качестве примера дадим краткую характеристику одному из критериев.

Интерес. В основе Интереса к учению лежит рефлекс «что такое» (Павлов И.П.). В некоторых, редких, случаях интерес может отсутствовать совсем. Первоначально интерес проявляется в виде любопытства. Более высокой стадией интереса является любознательность. Любознательность может не распространяться на материал всего предмета, а проявляться на отдельных уроках при изучении отдельных тем. «Любознательность, любопытство - это вечные неискоренимые свойства человека. Где нет любознательности - нет школы... Если на уроке после рассказа учителя, нет никаких вопросов - «все мол, понятно» - это первый признак того, что в классе нет интеллектуальных потребностей, а осталась скучная, тягостная обязанность изо дня в день учить уроки» (В.А. Сухомлинский). Приведенная цитата наглядно показывает, что вопросы обучаемого очень сильно характеризуют познавательный интерес. С точки зрения Г.И. Щукиной, многое в познавательном интересе открывает параметр устойчивости. При таком подходе познавательный интерес может быть распределен по 3-м уровням, как ситуативный, относительно устойчивый, и достаточно устойчивый.

Таким образом, основные тезисы, отражающие логику нашего исследования, могут быть сформулированы в следующей редакции:

- игра является мощным активатором познавательной деятельности;

- для мониторинга познавательной активности, проявляющейся в результате применения игровых методов обучения необходимо выработать критерии и показатели познавательной активности.

Вектор дальнейших усилий нашего исследования предполагается направить на создание экспертной методики измерения познавательной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001. – 416с.

2. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2003. – 512с.

3. Журавлев В. И. Введение в научное исследование по педагогике. Учеб. пособие для студентов пед. институтов. – М., 1988.

4. Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И.Пидкасистого. - М.: Педагогическое общество России, 2003. – 608 с.

5. Работин И.В. Активизация индивидуальной познавательной деятельности школьников в условиях компьютеризации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 1993, - 166с.

6. Сухомлинский В.А. Разговор с молодым директором школы. М., «Просвещение», 1973.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Малова Е.Ю.

*ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»
Киров, Россия*

Проблематика повседневности включает в себя самый широкий круг предметов, явлений и отношений. Долгое время повседневность рассматривалась с точки зрения её описания, при этом глубинный анализ её внутренней сущности нередко утрачивался. Это обусловило необходимость теоретического обоснования феномена повседневности в исторических, социологических, культурологических, психологических, этнографических и других исследованиях.

Значимый вклад в развитие проблемы исследования внесла Новая историческая наука, так называемая школа «Анналов», которая обосновала неординарный на тот момент подход к пониманию прошлого и места человека в нём. Представителями данной школы были сформулированы основные методологические пути изучения повседневности, в рамках которых особое внимание уделялось рассмотрению ментальности и активности самого исследователя (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Л. Февр и др.). Общенаучными подходами в исследовании повседневности явились работы в области феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц и др.), а также герменевтики (Г.Г. Гадамер, М. Хайдеггер и др.). Фундаментальными методологическими исследованиями можно назвать работы И.Г. Касавина, Г.Г. Кнабе, Н.Н. Козловой, В.Л. Козырькова, Ю.М. Лотмана, В.Д. Лелеко и др., раскрывающие концептуальные подходы, предмет и методы изучения повседневности. Немаловажное значение имеют исследования учёных ВятГТУ, обсуждаемые на конференциях международного уровня (В.А. Бердинских, Н.О. Осипова, О.А. Останина, Е.А. Счастливецова и др.).

В настоящее время оформилось несколько точек зрения на рассмотрение данного понятия. С одной стороны к повседневности сложилось радикально отрицательное отношение из-за её обыденности, рутинности, привычности. С другой

стороны повседневность – неисчерпаемый источник познания человека в исторической и реальной действительности. В связи с этим в отечественной науке была высказана идея о необходимости создания особой научной дисциплины «коммансологии» или «повседневноведения», которая позволила бы рассмотреть феномен повседневности во всём его многообразии (Н.Н. Козлова, В.Д. Лелеко).

Детальный семантический анализ понятия «повседневность» проводит в своём исследовании В.Д. Лелеко, обращаясь к словарям В.Даля и С.И. Ожегова, а также в контексте исторической эволюции родственных ему слов в немецком языке, где его характеристика совпадает с аналогичными характеристиками в русском. Но помимо этого присутствует и дополнительное значение, отражающее реалии западноевропейской культуры XVIII – начала XIX вв., где повседневность трактуется как «грубость, неразвитость, заурядность, серость за образом жизни социальных низов». Итак, с точки зрения лингвистико-семантического анализа, очевидно, что понятие «повседневность» рассматривается как в позитивном, так и в негативном смыслах.

В социологических исследованиях повседневность представлена как исходная категория: установка сознания на принятие действительности как данности; психическое (душевное) здоровье и зрелость (зрелость) как условие такой установки сознания; земной, потусторонний статус реальности повседневной жизни; практический характер повседневной деятельности, конкретность и прагматизм целей, которые ставит и решает «повседневный деятель». Повседневная реальность подчинена привычному порядку повторяющихся изо дня в день событий. Вместе с тем имеет место ее постоянное взаимодействие с «иными мирами» (сна, душевной болезни, религиозного опыта и т. п.) и возможность их вторжения в мир обыденной реальности, а также все время существующая потенциальная угроза нарушения привычного течения дел и событий какими-то неожиданностями. Отсюда, с одной стороны, переживание повседневности как рутины и тривиальности, с другой - необходимость быть всегда «в бодрствующем, напряженном состоянии» (В.Д. Лелеко).

Рассматривая проблему повседневности в контексте поиска альтернативной теории социологии, К.Г. Барбакова и В.А. Мансуров анализируют различные ценностные комплексы повседневности, ссылаясь на исследования западногерманских социологов. Так, Н. Элиас выстраивает ряд соотносительных пар повседневности с предполагаемыми оппозиционными значениями: Повседневность, будничность – Праздник (праздничный день; Повседневность жизни общества (рутина ежедневных обстоятельств) – Нерутинные, внебудничные, экстраординарные сферы общественного существования; Рабочие

дни (в особенности у трудящихся) – Сферы жизни буржуазии (праздные дни); Повседневность как жизнь народа, массы населения – Жизнь высокопоставленных и могущественных персон; Повседневность как частная, приватная жизнь, наполненная тем, что имеет отношение к досугу, семье, любви, детям – Общественная жизнь, главным образом – профессиональная и др.

В данных случаях достаточно сложно установить определённую предметную значимость понятия повседневности, так как в социологическом отношении эта категория выступает в обязательной взаимосвязи с классовой характеристикой, со структурой общественной жизни, с характером деятельности различных социальных групп и т.п. И при этом рассматривается как ключевое понятие, выполняющая регулятивную, методическую функцию, выступая как своеобразное фундаментальное положение.

Универсальность категории «повседневность» обнаруживается и в антропологии, где обозначается ориентир на социальное бытие. Наука соответственно должна систематизировать проявления повседневности в человеческой жизни и создать определённую структуру. Поскольку повседневной жизнью живёт каждый отдельный человек, то понятие повседневности выступает фундаментальной антропологической категорией.

В эстетической мысли, по мнению В.В. Бычкова, повседневность есть «характеристика обыденной рутинной части (большей по времени) жизни человека, которая в силу своей тривиальности, примитивной утилитарности, серой внесобытийности, монотонности остаётся практически незамеченной самим человеком (и его окружением), протекает автоматически, как правило, не фиксируется сознанием». В связи с таким пониманием рассматриваемой категории возникла необходимость эстетизации пространства повседневности и включения его в художественно-эстетическую культуру. В культуре постмодерна (ПОСТ-культуре) происходит включение различного рода проявлений повседневности в процесс, в событие художественно-эстетической деятельности. В данном случае повседневность начинает рассматриваться как «бесконечное поле возможностей» для художника-творца.

В культурологической мысли делается попытка дать целостный анализ сущности повседневности, его структуры, пространства. Так, в исследованиях В.П. Козырькова представлены образы повседневности, среди которых: повседневность как проза жизни; повседневность как область рутинных явлений и тривиального знания; повседневность как индивидуальный жизненный мир; повседневность как профанное пространство; повседневность как обыденный мир (при этом понятия «повседневность» и «обыденность» чётко разводятся). В структуре повседневности выделяются различные виды пространства, в которых одновременно пребывает

человек: физическое, перцептуальное (доступное непосредственному восприятию) и концептуальное (культурное).

Различные подходы к рассмотрению понятия и сущности повседневности обусловили и неоднозначное определение *предмета* изучения повседневности как научного направления, поскольку в рамках различных отраслей науки предмет может быть разным.

Так, например, *социологи* употребляют как синонимы повседневности описательные характеристики (обычное ежедневное существование, род/образ жизни, то, что обычно делают обычные люди). *Этнографы* часто говорят о повседневности, имея в виду быт – традиционные формы личной и общественной жизни, повторяющиеся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения. *Историк* повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что его в быту окружает. В центре его внимания не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление.

Главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением повседневности лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на частную жизнь и менявших ее. В данном аспекте *повседневность* можно рассматривать в *статичном и динамичном состояниях*, в зависимости от чего будет изменяться предмет её исследования. В статике отражается структура повседневности в конкретном историческом моменте времени, а в динамике – совокупность статических структур в течение какого-либо промежутка времени.

Анализ работ А.Я. Гуревича, И.Е. Забелина, М.И. Козьяковой, И.И. Костомарова, Ю.М. Лотмана и др. показывает, что предмет повседневности также может рассматриваться относительно половой принадлежности человека (мужской и женский мир, быт царей и цариц), его приуроченности к той или иной социальной, возрастной или национальной группе, типу поселения (город, село) и т.п.

В качестве предмета повседневности Л. Гудков выделяет так называемые *«изнаночные стороны» жизни общества*: зонирование пространства обитания в быту; хронометраж времени; формы досугового поведения; ролевые структуры и функции в разных контактных группах; особенности языковой личности; специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях; аспекты девиантного поведения, преодоления отклонений в социализации личности; порядки социализации разных общественных; порядок сна, его жилищные интерьеры и прочие вещественные аксессуары; формы питания; ритуалы ежедневные и праздничные, модификации этикета; статусные значения пользования техникой; место в компьютерной "паутине";

многие другие стороны бытовой, но по-своему знаковой сферы жизни современного человека.

Рассматривая диалектику повседневности, С.Г. Кнабе обращает внимание на предметы бытового обихода, эстетику костюма, жизненную среду, общение с искусством и др.

П. Бергер и Т. Лукман определяют *религиозный опыт человека в повседневной жизни* как некоторую реальность. Различные сферы реальности рассматриваются как символ, а язык, который конструирует данные реальности – как символический. Данные сферы становятся существенными элементами реальности повседневной жизни и обыденного понимания этой реальности.

А. Шюц в своём исследовании акцентирует внимание на *структуре повседневного мышления*, продолжая феноменологические взгляды Э. Гуссерля в аспекте intersубъективной характеристики повседневного знания. А. Шюц выделяет некоторые конституирующие элементы повседневности как особые формы реальности: 1) трудовую деятельность; 2) специфическую уверенность в существовании мира; 3) напряженное отношение к жизни; 4) особое переживание времени; 5) специфику личностной определенности действующего индивида; 6) особую форму социальности. Наряду с этим немаловажное значение в понимании повседневной жизни он придаёт символизации, анализируя мельчайшие детали реального жизненного мира.

Рассуждая о логике повседневности, о возможности и невозможности существования данного понятия, И.Т. Касавин рассматривает *многообразие обыденного языка*, стратегии повседневной аргументации, а также указывает на герменевтические условия повседневного языка, т.е. те его исходные особенные формы, которые определяют реальность. Данные вопросы могут выступать в качестве предмета исследования в логико-лингвистическом анализе.

Следовательно, предметом изучения повседневности выступают разнообразные характеристики поведения людей, которые охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения, ролевых структурах и функциях, различного рода видах пространства, обычаях и традициях, нравах и укладах и т.п.

Таким образом, теоретический анализ имеющихся исследований позволил раскрыть сущность понятия повседневности как особого феномена культуры, который, с одной стороны предполагает обыденность, каждодневную повторяемость во времени тех или иных фактов, с другой стороны выступает как фактический материал, посредством которого можно вскрыть не только проблематику культуры прошлого, но и настоящего. Предметом изучения повседневности являются различные её грани, такие как среда

обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклады жизни, а также ментальность, образ мышления и образ жизни народа. При этом следует отметить неоднозначность его определения в различных отраслях гуманитарных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акиндинова Т.А. Об историко-культурных истоках эстетики повседневности // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции. Вып. 16. – СПб., 2001. – С. 8-10.
2. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Проблема повседневности и поиски альтернативной теории социологии // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника – интеллектуалы – культуры. – М.: Наука, 1989. – С. 296-392.
3. Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии /Сост.В.И. Гараджа, Е.Т. Руткевич. – М., 1996. – С. 535-538.
4. Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. – М., 1984. – 350 с.
5. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях // Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. – М., 1996. – С.264-359
6. Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Социемы. – 2003. - № 9.
7. Касавин И.Т. Язык повседневности между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. - № - С. 14-29.
8. Кнабе С.Г. Диалектика повседневности // Кнабе С.Г. Материалы и лекции по истории культуры и культуры античного Рима. – М., 1994. – С. 29-56
9. Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // ОНС. – 1992. - № 3.
10. Козырьков В.П. Образцы повседневности и проблема их целостности // Наука и повседневность: Основания науки в цифровом обществе. Материалы 4-й межвузовской конференции. Вып. 4 – Н.-Новгород, 2002. С. 5-30.
11. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до XX века. – М., 2002. – 360с.
12. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. – М., 1996. – С. 4-261.
13. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. / Под ред. В.В. Бычкова. – М.: РОССПЭН, 2003. –С. 339-340.
14. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб., 2002. – С.97, 108-119.
15. Лелеко В.Д. Статус повседневности в современной науке // Векторы развития культуры на грани тысячелетий. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – С. 208.
16. Лелеко В.Д. Эстетизация повседневной жизни и эстетика повседневности // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции. Вып. 16. – СПб., 2001. – С. 34-36
17. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – 354 с.
18. Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности // Этнографическое обозрение. – 2004. - № 1.
19. Сенявский А.С. [Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований \(на материалах российской истории XX века\)](#). Доклад. Интернет-конференция «История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества» – Internet: // www.auditorium.ru/v/index.php
20. Старцев А.В. Грани повседневности // История повседневности. Сборник Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2004. – С. 9
21. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1993. - № 2. – С. 129-137.
22. Шюц А. Трансцендентность природы и общества: Символы. О множествах реальности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом – М., 2004. – С. 499-517.

**СПОСОБЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ
УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА КАК УСЛОВИЕ
РАЗВИТИЯ ВНИМАНИЯ**

Михнина Н.В.

*Тюменский Государственный колледж связи,
информатики и управления
Тюмень, Россия*

Все преподаватели средних учебных заведений, в числе которых и преподаватели иностранных языков, решают одновременно три главные задачи:

- обеспечить эффективное усвоение большого объема знаний;
- сформировать основы целостного системного мышления;
- способствовать умственному развитию студентов.

Психолого-педагогические исследования свидетельствуют о том, что любая форма деятельности – будь то углубленное размышление, активное восприятие информации, качественное выполнение любых сложных операций - предполагает, требует, а то и является прямым выраже-